

А. АЙЕР И ДЖ. ОСТИН: ОТ «ЭТИЧЕСКИХ СУЖДЕНИЙ» К «ПЕРФОРМАТИВУ»

Юрьев Роман Александрович – кандидат философских наук, доцент. Национальный исследовательский Томский государственный университет. Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36; e-mail: yuriev2003@mail.ru

В статье рассматривается тезис о радикальном эмпиризме А. Айера в качестве одного из возможных идейных источников для развития теории речевых актов Дж. Остина. Современная исследовательская литература больше внимания посвящает дискуссии А. Айера и Дж. Остина по вопросу «чувственных данных», но в то же время можно утверждать, что историко-философской реконструкции их взаимного влияния посвящено достаточно мало внимания. Важность такого рода реконструкции обусловлена тем, что соперничество А. Айера и Дж. Остина в Оксфорде в 30–40-е гг. XX в. можно рассматривать как подготовительную работу по рецепции идеи «языковых игр» Л. Витгенштейна. Сравнивая оппозиции «эмпирическое/этическое» у А. Айера и «констативное/перформативное» у Дж. Остина, утверждается, что даже ранние взгляды А. Айера на этику, высказанные им в работе «Язык, истина и логика», нельзя безоговорочно отнести к логическому позитивизму, поскольку следствия его этического анализа можно рассматривать как важный импульс развития философии обыденного языка.

Ключевые слова: аналитическая философия, этические суждения, перформатив, открытая текстура, А.Дж. Айер, Дж.Л. Остин

A.J. AYER AND J.L. AUSTIN: FROM “ETHICAL JUDGEMENTS” TO “PERFORMATIVE”

Roman A. Yuriev – CSc in Philosophy, assistant professor. National Research Tomsk State University. 36 Lenin Ave, 634050, Tomsk, Russian Federation; e-mail: yuriev2003@mail.ru

The article considers the thesis about A. Ayer’s radical empiricism as one of the possible conceptual sources for the development of the theory of J. Austin’s speech acts. In contemporary research literature more attention is devoted to the inquiry of the discussion between A. Ayer and J. Austin on the matter of “sense-data”. At the same time it can be stated that few attention is devoted to the historical and philosophical reconstruction of their mutual influence. The importance of this kind of reconstruction is caused by the fact that contention between A. Ayer and J. Austin in Oxford during 1930s and 1940s can be viewed as preliminary work of reception of the idea of L. Wittgenstein’s “language-games”. By comparing A. Ayer’s “empirical / ethical” and J. Austin’s “conservative / performative” oppositions one could show that A. Ayer’s earlier views on ethics expressed in his work “Language, Truth and Logic” cannot be unconditionally attributed to the logical positivism. Ayer’s following statements were considered: 1) ethical judgements state as judg-

ments of arousal of feelings and stimulation to action; 2) ethical judgements state as expression of ethical feelings; 3) ethical judgements add nothing in terms of factual meaning; 4) feelings are not a necessary condition for their expression. In conclusion one can say that in a certain sense Ayer's approach to the ethical judgment is open to understanding that the meaning of a word is its use in the language. The results of its ethical analysis can be viewed as an important impulse to the development of ordinary language philosophy. Therefore, it is possible to consider logical positivism as including the inevitable premises for creation the ordinary language philosophy.

Keywords: analytical philosophy, ethical judgments, performative, open texture, A.J. Ayer, J.L. Austin

Несмотря на принадлежность к аналитической традиции, философию оксфордского мыслителя Дж. Остина следует выделить отдельно, поскольку его подход к исследованию «обыденного языка», являясь крайне оригинальным и своеобразным, идет вразрез с широко распространенными представлениями об аналитической философии аналитической философии, часто ассоциируемой преимущественно с техниками логического анализа и тенденцией к сложным формальным построениям. Современный исследователь М. Грин в своей заметке «Speech Acts: An Annotated Bibliography» указывает в разделе «Лингвистический поворот философии» следующее: «Часто случается, что интеллектуальные прорывы становятся возможными благодаря прояснению, которое имело место задолго до их возникновения, и случай теории речевых актов не является исключением» [Green, 2016]. Наряду с работами Г. Фреге и Б. Рассела, безусловно, оказавшими влияние на все поколения англо-американской философии в XX в. и теории речевых актов в частности, М. Грин указывает и на философскую деятельность А. Айера в 1936 г., когда была опубликована его известная работа «Язык, истина и логика», подразумевая, что истоки теории речевых актов, в частности в варианте ее родоначальника Дж.Л. Остина, следует искать и в философской деятельности А. Айера. Поэтому вполне оправданно обратиться к указанию М. Грина и рассмотреть те возможные моменты преемственности между А. Айером и Дж. Остином, которые он неявно очерчивает.

Согласно А. Айеру, «этический дискурс не имеет целью описание, но вместо этого он направлен либо на призыв к действию, либо выражение предпочтений, таких как одобрение или неодобрение со стороны говорящего» [ibid.]. И именно этот тезис позволяет нам ориентироваться на его взгляды в качестве необходимого основания для сравнительного анализа и попытки показать, что достаточно самобытное ответвление аналитической философии – теория речевых актов – так или иначе имеет некоторые заимствованные у логического позитивизма положения, отчасти, возможно, модифицированные. Вряд ли здесь будет оправданным

возражение, ссылающееся на филиацию идей, поскольку концепции таких оксфордских философов, как А. Айер и Дж. Остин, формировались в непосредственном взаимодействии и интеллектуальных сетях, включавших в себя Ф. Вайсмана, Г. Райла, С. Хэмпшира, Г. Харта, И. Берлина и др. [Коллинз, 2002, с. 919]

Известно, что А. Айер опубликовал «Язык, истину и логику» после знакомства в Вене с идеями логического позитивизма Венского кружка. Именно А. Айер в Оксфорде и был одним из первых его проводников. Интригует тот факт, что в 40-е гг. XX в. между А. Айером и Дж. Остином началась острая дискуссия по вопросу так называемых чувственных данных, и, таким образом, можно на первый взгляд утверждать, что британские философы стоят на разных онто-эпистемологических позициях [см. Ayer, 1967; Harrod, 1963]. В исследовательской литературе указывается даже то, что возвращение А. Айера из Вены «отчасти было связано с его желанием противостоять гегемонии Дж. Остина в Оксфорде» [McKinlay, 2010, p. 120]. А сам А. Айер вспоминал, что однажды раздраженно сказал Дж. Остину: «Ты как та английская борзая, что отказывается участвовать в гонке, но кусает других, чтобы они тоже не принимали в ней участия» [цит. по Locatelli, 2014, p. 156]. И. Берлин отмечал, что дискуссии были плодотворными, сравнивая А. Айера с «неотразимой ракетой», а Дж. Остина с «непреодолимой преградой», при этом «результат этой дискуссии не был патовым, а наиболее интересной, свободной и живой дискуссией в философии, которую я когда-либо знал» [цит. по Rogers, 1999, p. 147]. Об их концептуальном противостоянии может говорить и тезаурус, и стиль философствования, используемый мыслителями. В «Языке, истине и логике» у А. Айера основные единицы текста – это «пропозиции», «верификация», «эмпирическое наблюдение», т. е. те базовые концептуальные ресурсы, которые были предложены в свое время традицией логического позитивизма. Для Дж. Остина характерен более «свободный» стиль, парадоксальные примеры, новые введенные понятия – «иллокутивный», «перлокутивный», «локутивный» акт и т. д. Иными словами, самое первое различие, бросающееся в глаза, следующее: у А. Айера это язык философии, противостоящий метафизике, проводящий демаркационную линию между осмысленным и бессмысленным, и язык философии Дж. Остина, выступающий за либерализацию критериев осмысленности, где огромную роль играют контексты, акты говорения и усвоения сказанного в обыденных языковых ситуациях. И если не знать о дискуссии между Дж. Остином и А. Айером и о том, что оба философа активно участвовали в деятельности Аристотелевского общества, являлись его президентами и публиковались в его сборниках, то на первый взгляд может показаться, что вряд ли остиновское понятие речевого акта и связанных с ним следствий имеет что-либо общее с пониманием философии как

логического способа прояснения пропозиций. Поэтому анализ этических суждений в «Языке, истине и логике» наталкивает на мысль, что следствия, выявленные А. Айером, могут рассматриваться как предпосылки для базовых положений теории речевых актов Дж. Остина. Тем самым поворот к «естественному языку» и попытки построения на его основании отдельной философской теории имели предпосылки внутри логического позитивизма.

Для начала укажем, что А. Айер в «Языке, истине и логике» обозначает, с одной стороны, присущую логическому позитивизму позицию, согласно которой происходит деление на метафизику, продуцирующую бессмысленные высказывания, и философию, выступающую средством прояснения языка – с другой. Нужно оговориться, что прояснение языка сводится так или иначе к языку науки, которая может осмысленно выдвигать либо эмпирические предположения, либо тавтологии.

Язык «обычного» человека может выдвигать те же эмпирические пропозиции, но он уступает по точности эмпирическим пропозициям науки. «Естественный язык» А. Айером не рассматривается как отдельный предмет философии, что вполне вписывается в контекст доминирующей теоретической направленности аналитической философии того периода. Упрощенно говоря, согласно А. Айеру, утверждения, которые не являются ни вероятными (синтетическими и эмпирическими), ни необходимыми (аналитическими и априорными), относятся к бессмысленным. «Так что высказывание считается нами метафизическим, – пишет А. Айер, – только если оно не является тавтологией и, кроме того, не может в какой-либо степени подтверждаться возможным наблюдением» [Айер, 2010, с. 195]. Вполне в русле позиции логического позитивизма А. Айер считал само собой разумеющимся, что наиболее адекватным языком для описания реальности является специальный язык науки, поскольку обладает более точным инструментарием для продуцирования эмпирических синтетических суждений. А. Айер достаточно определенно подтверждает вышесказанное: «Перед философом, который находит, что наш повседневный язык достаточно проанализирован, стоит задача прояснения понятий современной науки. Но для возможности достижения этого существенно, чтобы он понимал науку. Будучи не в состоянии понять пропозиции какой-либо науки, он не способен выполнить функцию философа в прогрессе нашего знания. Ибо он не способен определить символы, которые наиболее всего требуется сделать ясными. <...> следует проводить различие между созерцательными и логическими аспектами науки и утверждать, что философия должна развиваться в логику науки. То есть мы проводим различие между деятельностью по формулировке гипотез и деятельностью по демонстрации логического взаимоотношения этих гипотез и определения символов, которые в них встречаются» [там же, с. 220].

Что же тогда позволяет более детально сопоставить «радикальный эмпиризм» А. Айера и теорию речевых актов Дж. Остина, тем самым более явно эксплицируя «свернутый» тезис о возможной преемственности?

Самые бросающиеся в глаза основные рассуждения, которые можно было бы рассматривать как оказавшие влияние на Дж. Остина, – это рассуждения А. Айера по вопросу этики в VI разделе под названием «Критика этики и теологии». Задачей раздела он видит согласование эмпиристских принципов с объяснением «суждений о ценностях». Основными вопросами, занимающими А. Айера, являются следующие: 1) специфика этических суждений и 2) как этические суждения могут быть рассмотрены в рамках «радикального эмпиризма».

Чтобы выполнить первую задачу, А. Айер группирует «этическое содержание» на четыре класса: «Прежде всего, есть пропозиции, выражающие определения этических терминов, или суждения о законности и возможности некоторых определений. Во-вторых, есть пропозиции, описывающие феномены морального опыта и их причины. В-третьих, есть наставления к моральной добродетели. И наконец, есть собственно этические суждения» [Айер, 2010, с. 148]. Только первые образуют этическую философию, тогда как вторые относятся к социологии и психологии, а третьи вообще являются побуждениями и приказами. Четвертую группу – этические суждения – А. Айер пытается рассмотреть в определенной модификации известной «проблемы Д. Юма», и формулирует он ее таким образом: «Можно ли высказывания об этических ценностях перевести в высказывания об эмпирических фактах?» [там же, с. 149]. Например, он указывает, что «субъективисты» и «утилитаристы» говорят о возможности подобного перехода, хотя с его точки зрения, предложение «х является благом» не может быть эквивалентным «х является приятным», «х является желательным» и т. д. Дело в том, что, очевидно, могут существовать не благие, но приятные и желательные вещи, а это указывает на то, что требуемого абсолютного обоснования этики в таких позициях нет, это просто обобщение «удачных тенденций действий». Такого рода подходы не могут быть способами анализа существующих этических понятий.

Предложение определенной формы (например, «х – ошибочно», «х – благое» и т. д.) в принципе не может ничего фактически описывать, и его нормативная форма не может выражать никакое эмпирическое суждение. Но если мы говорим «красть – ошибочно», то мы это говорим не с этической точки зрения, а с точки зрения того морального чувства, которое в нас это суждение вызывает. «Х – ошибочно» не может быть наполнено содержанием, открытым нам в результате эмпирической проверки.

В то же время А. Айер говорит, что такое положение дел, когда мы говорим о несводимости нормативных терминов к эмпирическим

понятиям, не означает и того, что этика может быть открыта мистическим образом, благодаря «интеллектуальному созерцанию». В случае апелляции к «интеллектуальному созерцанию» не обеспечивается его верифицированность. Мы оказываемся в той ситуации, что эмпирическая проверка не обеспечивает абсолютность этической ценности, а «интеллектуальное созерцание» не позволяет быть верифицированной интересубъективным образом, так как имеет чисто психологическую основу. Таким образом, этические термины – это «псевдопонятия», они ничего не добавляют к «фактуальному содержанию» и всего лишь могут обозначать отношение говорящего к чему-либо.

Как приводит пример А. Айер, такое высказывание, как «красть деньги неправильно», ничего не добавляет к факту кражи. Только наше отношение к этому факту становится более определенным, принимая форму, к примеру, морального негодования. Таким образом, «функция соответствующего этического слова чисто “эмотивна”» [Айер, 2010, с. 155]. Второй функцией этических терминов может являться не только выражение эмоций, но и «возбуждения чувства и побуждения к действию», например, в предложении «говорить правду – твой долг». Тем самым обосновать этические термины не представляется возможным, как и возможным их верифицировать. Они не могут быть истинными или ложными, но в то же время находятся в противоречии с чувствами разных субъектов. То есть, сравнивая предложения «говорить правду – твой долг» и «говорить ложь – твой долг», мы не можем найти какого-либо критерия истинности, и так же мы ничего не добавляем к фактуальному содержанию суждений «говорить правду» и «говорить ложь». По сути, не может быть споров о ценностях, а могут быть только споры о фактах.

При этом А. Айер отмечает, что, когда мы выражаем свое этическое отношение, из этого не следует, что в основании этого выражения необходимым образом должны были бы лежать соответствующие чувства. И этот момент необходимо отметить отдельно, поскольку здесь подвергаются редукции любые утверждения о намерениях в качестве оснований произнесения, что подразумевает рассматривать высказывание изолированно от намерений говорящего. *Выражение чувства и утверждение чувства для А. Айера представляют собой разные вещи: мы не можем говорить, что выражение обязательно в качестве своего основания имеет утверждение существования соответствующих чувств. Существование утверждения соответствующего чувства имело бы значение истины намерения того, кто выражает этическое суждение. И если исходить из взгляда на значение, отображающего отдельный от говорящего референт, то различие между выражением и утверждением работает в пользу анализа выражения благодаря редукции утверждения (соответствующих чувств).* Для Дж. Остина скорее характерен другой ход мысли,

а именно то, что нужно подвергнуть редукции такого рода философский словарь, что позволило бы элиминировать подобные дистинкции. В результате значение речевого акта может быть проанализировано как употребление и имплицитное единство *утверждения* чувства и его *выражения*.

Идея редукции намерений и утверждений чувств у А. Айера заключается в том, что неверно, что «существование любых чувств является необходимым и достаточным условием обоснованности этического суждения» [Айер, 2010, с. 158]. Если попытаться каким-то образом классифицировать подобную идею в рамках аналитического движения в целом, то, к примеру, воспользовавшись типологией П. Стросона, она может быть отнесена к так называемым «теориям формальной семантики» и, соответственно, противопоставлена «теориям коммуникации-интенции». В его типологии говорится о конфликте между двумя данными подходами [Стросон, 1998, с. 217–230], где Дж. Остин, наряду с П. Грайсом и поздним Л. Витгенштейном, относится к «теоретикам коммуникации-интенции». Тогда как к «теоретикам формальной семантики», по его мнению, можно отнести Г. Фреге, Н. Хомского и раннего Л. Витгенштейна. Можно ли однозначно отнести творчество А. Айера, например, к «теоретикам формальной семантики», учитывая то, что для него имеет важность значение изолированного высказывания, а не намерений? Ведь такая позиция стала объектом критики в теории речевых актов Дж. Остина, П. Грайса и Дж. Серла, и, соответственно, идеи, высказанные в «Языке, истине и логике», не имеют при первом приближении никакого отношения к «теориям коммуникации-интенции». Даже если это и так на первый взгляд, то при внимательном рассмотрении обнаруживаются те нюансы, которые демонстрируют приближенность любой типологии (в том числе и типологии П. Стросона), в результате чего творчество А. Айера можно было бы отнести к сторонникам (теоретикам) «формальной семантики» лишь с некоторыми оговорками. Безоговорочное отнесение будет преждевременным, так как особенности понимания специфики этических суждений являются теми важными моментами, игнорирование которых упрощает философскую позицию А. Айера и не позволяет рассматривать преемственность и взаимосвязь на первый взгляд разнородных направлений в истории аналитической философии.

Иными словами, можно обозначить следующие положения А. Айера, которые могут служить отправной точкой для формирования некоторых пунктов теории речевых актов, учитывая то обстоятельство, что не только можно говорить о конфликте между «теориями коммуникации-интенции» и «теориями формальной семантики», но и о том, что положения этих теорий заострились и уточнялись в дискуссиях и критике, в том числе в дискуссиях внутри Аристотелевского общества.

Итак, эти положения следующие: 1) этические суждения могут быть суждениями возбуждения чувства и побуждения к действию; 2) этические суждения являются выражением моральных чувств (эмотивистская трактовка этики); 3) этические суждения ничего не прибавляют с точки зрения эмпирического содержания; 4) чувства не являются необходимым условием их выражения.

Здесь можно увидеть, что положения (1) и (2) вполне могут быть согласованы с теорией речевых актов Дж. Остина, а (3) и (4) могут быть оспорены. При первом приближении уже сама оппозиция «эмпирическое/этическое» может отсылать к остиновской оппозиции «констативного/перформативного». Конечно, нужно учитывать, что понятие «перформатива» имеет более широкий спектр применения, нежели понятие «этического суждения», и вот почему. Констативные и эмпирические суждения объединяет на первый взгляд то, что они могут быть верифицированы в отличие от этических/перформативных. Однако так ли это? В статье В.В. Оглезнева и В.А. Суровцева «Фридрих Вайсман о многоуровневой структуре языка и проблема редукционизма» [Оглезнев, Суровцев, 2018, с. 206–218], по сути, говорится не только о взглядах выдающегося представителя аналитической философии Ф. Вайсмана, но и об определенном смысловом сдвиге внутри аналитической философии в понимании особенностей эмпирического знания. И эти изменения вполне определенно затрагивают вопрос согласования оппозиций «эмпирическое/этическое» и «констативное/перформативное».

Как указывает Ф. Вайсман, «неполнота верификации укоренена в неполноте определения привлекаемых терминов, а неполнота определения укоренена в неполноте эмпирического описания» [цит. по: там же, с. 208]. Неполнота укоренена в природе эмпирических понятий, обладающими по своей сущности свойством «открытой текстуры». «Понимаемая таким образом “открытая текстура” отличается от “закрытой текстуры”. Последняя связывается Вайсманом с тем, как формируется априорное знание в логике и математике. Структура этих наук основана на рациональной конструкции понятий, а не на попытке достичь окончательных чувственных данных» [там же, с. 215]. Поэтому А. Айер, говоря о пропозициях, выражающих определения этических терминов, или суждениях о законности и возможности некоторых определений, указывает на то, что они образуют этическую философию. Отсюда и следует то, что «строгое философское сочинение на тему этики не делает этических заявлений» [Айер, 2010, с. 149], и поэтому определения этических терминов можно понимать как принадлежащие к классу понятий с «закрытой текстурой» (например, конструкция «х – это благо»). Соответственно, понятия в этических суждениях, как и в эмпирических, принадлежат к классу понятий с «открытой текстурой».

Но дело-то в том, что может возникнуть вопрос: а на каком основании мы тогда отказываем этическому суждению в наличии фактуального содержания? Как пишет Дж. Остин, «мы слишком спешим заключить, что, если только мы выявим истинные значения каждого пучка терминов, которыми пользуемся в некоторой конкретной области (как, например, “правильный”, “благодетель” и др., связанные с этикой), это сразу прояснит для нас, не оставив ни одного вопроса, что каждому из них соответствует одна-единственная, связывающая внутри себя все со всем последовательная концептуальная схема» [Остин, 2006, с. 230]. Определяя «х – это благо», «х – это не благое» и в дальнейшем отказывая конкретному этическому суждению (например, «красть деньги ошибочно») в наличии фактуального содержания, мы упускаем из виду существование большой группы суждений, вынесение которых несет определенные фактические последствия. Постепенно Дж. Остин в принципе отказывается от оппозиции «констативное/перформативное», поскольку этические суждения как разновидность перформативов, во-первых, могут иметь внутри себя и отношение говорящего, и констатацию факта одновременно. Например, высказывание «Я за тобой приду» можно прочитать и как обещание, и как угрозу, и как информирование о некотором будущем положении дел. А во-вторых, происходящее постепенное поглощение констативных высказываний перформативными в теории речевых актов Дж. Остина предполагает совершенно иную процедуру верификации, понимаемую гораздо шире, чем понятие верификации в логическом позитивизме. Критерием становится не истинность или ложность, а успешность или неуспешность речевых актов. У Дж. Остина извинения, команды, приказы, обещания предполагают помимо утверждения о фактах и функциональность терминов в речевой ситуации, связанной с одобрением и неодобрением (принятием или непринятием извинения, усвоения команды, приказа, обещания), но истинность речевой ситуации так же зависит от порядка произнесения, что отличает их от эмпирических пропозиций науки. Так суждения о действиях включают в себя понятия явной ошибки, просто ошибки и нечаянности. И здесь можно привести следующие примеры Дж. Остина при употреблении английского языка:

- 1) он наступил на улитку по неуклюжести (He clumsily trod on a snail);
- 2) по неуклюжести он наступил на улитку (Clumsily on a snail he trod);
- 3) он неуклюже наступил на улитку (He trod clumsily on a snail);
- 4) Он наступил на улитку неуклюже (He trod on a snail clumsily) [там же, с. 226].

Первые два можно рассматривать, по его мнению, как нечаянное событие, а третье и четвертое можно вполне допустить как результат целенаправленных действий. Поэтому эти предложения допустимо

интерпретировать как некоторое событие (1), отношение субъекта (2) к его действиям (нечаянность или, наоборот, целенаправленность, намеренность действия) и (3) наша оценка ситуации. Отсюда мы можем видеть, что это эмпирическое событие может быть описано по-разному в смысловом плане в зависимости от синтаксической структуры предложения. Тем самым эмпирический факт обладает «открытой текстурой» и обуславливается не только семантическими соглашениями относительно терминов, но и от синтаксическими возможностями говорящего. Таким образом, нет универсальных стандартов применения языка в ситуациях с «открытой текстурой».

Подход А. Айера к этическим суждениям вряд ли можно обозначить в качестве проблематичного или непоследовательного по той причине, что он строго следует общему руслу логического позитивистского периода. Скорее можно говорить об открытости данного подхода в сторону понимания значения как употребления уже периода опубликования «Языка, истины и логики». Возможно, что изначальная открытость подхода к этическим суждениям связана с тем, что он придерживается принципа так называемой слабой верифицируемости: «Пропозиция верифицируема в сильном смысле этого термина, если и только если ее истинность может быть окончательно установлена на опыте. Но она верифицируема в слабом смысле, если опыт может снабдить ее вероятностью» [Айер, 2010, с. 50]. Вопрос относительно любого высказывания о фактах «должен быть вопросом о том, соответствовали ли какие-либо наблюдения определению его истинности или ложности» [там же, с. 53]. И, таким образом, и естественные науки, и повседневный опыт являются эмпирическими гипотезами.

В «Введении ко второму изданию» в 1946 г. А. Айер обозначает ригористичность некоторых положений Венского кружка, которым он, возможно, симпатизировал ранее: «Позитивисты Венской школы обычно говорят, что функция философии – не предлагать особое множество “философских” пропозиций, но делать другие пропозиции ясными; и заслуга этого высказывания заключается, по крайней мере, в выявлении того момента, что философия не является источником умозрительной истины. Тем не менее теперь я считаю неверным утверждение, что философских пропозиций не существуют. Ибо, независимо от их истинности или ложности, пропозиции, выраженные в книге вроде этой, действительно подпадают под особую категорию; и поскольку они утверждаются или отрицаются философами, я не вижу причины, почему их не следует называть философскими» [там же, с. 43]. В более радикальном и общем виде похожую мысль высказывает Г. Райл. «Неформальные выражения и повседневного, и специального дискурса, – пишет Г. Райл, – имеют собственные нерегламентированные логические возможности, которые нельзя без остатка свести к логическим возможностям марионеток формальной логики» [Райл, 1999, с. 355].

Итак, можно утверждать, что некоторые положения работы «Язык, истина и логика» А. Айера вполне законно рассматривать как одну из предпосылок теории речевых актов Дж. Остина. Это дает нам, в свою очередь, возможность еще раз подтвердить тезис о том, что существует прямая генетическая преемственность между логическим позитивизмом и философией обыденного языка. В зависимости от философских предпочтений и исходя из вышеизложенного можно считать те же самые понятия «перформативов» или «иллокутивных актов» Дж. Остина либо расширениями «радикально-эмпиристских» тезисов А. Айера в вопросах этики, либо совершенно отличными от основных тенденций логического анализа и формальной семантики. Но очевидно то, что интеллектуальное сообщество аналитических философов того периода было готово к рецепции и последующему развитию идей конвенционализма и значения как употребления, в частности, выдвинутых «поздним» Л. Витгенштейном.

Список литературы

Айер, 2010 – *Айер А.Дж.* Язык, истина и логика / Пер. с англ. В.А. Суровцева, Н.А. Тарабанова / Под общ. ред. В.А. Суровцева. М: Канон + РООИ Реабилитация, 2010. 240 с.

Коллинз, 2002 – *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.

Оглезнев, Суровцев, 2018 – *Оглезнев В.В., Суровцев В.А.* Фридрих Вайсман о многоуровневой структуре языка и проблема редукционизма // *Epistemology & Philosophy of Science* / Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 206–218.

Остин, 1999 – *Остин Дж.* Смысл и сенсibiliи // *Остин Дж.* Избранное / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 139–244.

Остин, 2006 – *Остин Дж.Л.* Принесение извинений // *Остин Дж.Л.* Три способа пролить чернила: Философские работы. СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2006. 335 с.

Райл, 1999 – *Райл Г.* Обыденный язык // *Райл Г.* Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги. 1999. С. 339–356.

Стросон, 1998 – *Стросон П.* Значение и истина // *Аналитическая философия: становление и развитие* / Ред. А.Ф. Грязнов. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 213–230.

Ayer, 1967 – *Ayer A.J.* Has Austin Refuted the Sense-Datum Theory? // *Synthese*. 1967. Vol. 17. No. 2. Pp. 117–140.

Green, 2016 – *Green M.* Speech Acts: An Annotated Bibliography. URL: https://www.academia.edu/7841094/Speech_Acts_Annotated_Bibliography_from_Oxford_Bibliographies_Online (дата обращения: 10.01.2019).

Harrod, 1963 – *Harrod R.* Sense and Sensibilia // *Philosophy*. 1963. Vol. 38. No. 145. Pp. 227–241.

Locatelli, 2014 – *Locatelli R. Sense and Sensibilia and the Significance of Linguistic Phenomenology* // J.L. Austin on Language. *Philosophers in Depth* / Ed. by B. Garvey. L.: Palgrave Macmillan, 2014. Pp. 141–158.

McKinlay, 2010 – *McKinlay A. Performativity: From J.L. Austin to Judith Butler* // “The Leading Journal in the Field”: *Destabilizing Authority in the Social Sciences of Management* / Ed. by P. Armstrong & G. Lightfoot. L.: Mayfly, 2010. Pp. 119–142.

Rogers, 1999 – *Rogers B. A.J. Ayer: A Life*. N. Y.: Grove Press, 1999. ix+402 pp.

References

Austin, J.L. “Prineseniye izvineniy” [A Plea For Excuses], in: Austin, J.L. *Tri sposoba prolit chernila: Filosofskiy raboty* [Three Ways of Spilling Ink: Philosophical Works]. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Pb. un-ta, 2006, 335 pp. (In Russian)

Austin, J.L. “Smysl i sensibiliy” [Sense and Sensibilia], in: Austin, J.L. *Izbrannoye* [Selected Works]. Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual’noy knigi, 1999, pp. 139–244. (In Russian)

Ayer, A.J. “Has Austin Refuted the Sense-Datum Theory?”, *Synthese*, 1967, vol. 17, no. 2, pp. 117–140.

Ayer, A.J. “Yazyk, istina i logika” [Language, Truth and Logic]. Moscow: Kanon+, ROOI Reabilitatsiya, 2010, 240 pp. (In Russian)

Collins, R. *Sotsiologiya filosofiy. Globalnaya teoriya intellektualnogo izmeneniya* [The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 2002, 1280 pp. (In Russian)

Green, M. *Speech Acts: An Annotated Bibliography*. [https://www.academia.edu/7841094/Speech_Acts_Annotated_Bibliography_from_Oxford_Bibliographies_Online_, accessed on: 10.01.2019].

Harrod, R. “Sense and Sensibilia”, *Philosophy*, 1963, vol. 38, no. 145, pp. 227–241.

Locatelli, R. “Sense and Sensibilia and the Significance of Linguistic Phenomenology”, in: B. Garvey (ed.). *J.L. Austin on Language. Philosophers in Depth*. London: Palgrave Macmillan, London, 2014, pp. 141–158.

McKinlay, A. “Performativity: From J.L. “Austin to Judith Butler”, in: P. Armstrong & G. Lightfoot (eds). *The Leading Journal in the Field’: Destabilizing Authority in the Social Sciences of Management*. London: Mayfly, 2010, pp. 119–142.

Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. “Fridrikh Vaysman o mnogourovnevnoy strukture yazyka i problema reduksionizma” [Friedrich Waismann on the Many-Level-Structure of Language and Problems of Reductionism], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 4, pp. 206–218. (In Russian)

Rogers, B. *A.J. Ayer: A Life*. New York: Grove Press, 1999, ix+402 pp.

Ryle, G. “Obydenny yazyk” [Ordinary Language], in: Ryle, G. *Ponyatiye soznaniya* [The Concept Of Mind]. Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual’noy knigi, 1999, pp. 339–356. (In Russian)

Strawson, P. “Znacheneye i istina” [Meaning And The Truth], in: Gryaznov, A.F. (ed.). *Analiticheskaya filosofiya: stanovleniye i razvitiye* [Analytical philosophy: the formation and development]. Moscow: Progress-Traditsiya, 1998, pp. 213–230. (In Russian)